

Владимир Алексеевич НЕЧВОЛОДА

(20 февраля 1945, г. Новосибирск – 9 апреля 1984, г. Тюмень).

Родился в семье офицера-политработника. После армейских скитаний по ряду городов семья осела в Ишиме. Здесь В. Нечволода окончил школу рабочей молодежи (1962), работал киномехаником.

Позднее стал литсотрудником городской газеты «Ишимская правда». Был инструктором горкома комсомола, художественным руководителем в районном Доме культуры. Окончил курсы рулевых, возил в баржах первую тюменскую нефть с Севера в Омск.

В 1975 году окончил заочно Литературный институт имени А.М. Горького. Работал корреспондентом областного комитета по радио и телевидению, руководителем бюро пропаганды художественной литературы при областной писательской организации.

Первая книга стихов «Поющие травы» издана в 1967 году. В 1969 году, когда он работал на телевидении в Северо-Казахстанской области (г. Петропавловск), в Алма-Ате вышла вторая книга – «Новые стихи». Третью книгу стихов «Имя» (Свердловск, 1974) поэт сопроводил посвящением «Своим родителям с любовью...». В нее вошла и поэма «Плескалась речка у обрыва...». В 1983 году вышла уже седьмая книга стихов «На земле моей».

Выступал В. Нечволода и в прозаических жанрах. Им издано две публицистические книги очерков, в журналах он печатал рассказы. Поступило в 2000 году в Тюмени издан сборник стихов «У поэзии светлы палаты». Его стихи переводились в Болгарии и Чехословакии.

Владимир Нечволода перевел на русский язык поэму «Так Молупси» хантыйского поэта Владимира Волдина.

Почетный гражданин Советского района Тюменской области.

Член Союза писателей СССР с 1982 года.

Ольга НЕЧВОЛОДА

«ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ РОССИЯ С ГОРОДОВ ТАКИХ, КАК МОЙ ИШИМ»

*Не знакомы с городом вы нашим,
Задержитесь несколько минут.
Обелиски обо всем расскажут,
Улицы героев назовут.*

*Можно спорить, чьи места красивей,
Городам завидовать большим,
Только начинается Россия
С городов таких, как мой Ишим.*

К моему глубокому сожалению, я не нашла в нашем домашнем архиве этих стихов моего мужа, поэта Владимира Нечволоды. Но как оказалось, эти строки прозвучали в песне на одном из конкурсов в исполнении ишимца Васи Финкеля.

...Когда-то, давным-давно, кажется, целую жизнь назад я без особого сожаления покинула Ишим, покинула места, где остались мое босоное детство, зачарованная есенинскими стихами юность, первая любовь, первые радости. В общем, все самое первое. Покинула в надежде найти другие, возможно, более счастливые места. Обуреваемая честолюбивыми замыслами, думала, что вряд ли вернусь когда-либо на свою малую родину, не ведая, что потом в далеком-далеке меня, как птицу, потянет к родному гнезду.

Знакомство

Мы познакомились в ночь с 31 декабря 1964 года на 1 января 1965 года в городском Доме культуры, в кабинете директора Кима Аркадьевича Осинцева. Почти нереальная, сумасшедшая ночь! А через две недели, в ночь с 13 на 14 января 1965 года, тайно «поженились», а еще через два месяца – 13 марта зарегистрировались в городском загсе. Присутствовали только работники горкома комсомола, где я работала техническим секретарем, и несколько друзей Володи из «Ишимской правды», литсотрудником которой был мой теперь уже законный муж, и его шафер и друг Володя Симагин. В свой дом по ул. Карла Маркса, 7, кв. 9, где жила дружная нечволодинская семья, мы с Володей шли из загса пешком. Всю дорогу целовались. А вечером была небольшая дружеская вечеринка. Так началась наша супружеская жизнь.

Редакция

Коллектив редакции газеты «Ишимская правда» был небольшой, но очень веселый и находчивый. Редакторствовал тогда Николай Васильевич Бортвин («Шеф») – человек строгих правил. Но относился он к своим сотрудникам с суровой нежностью. Его и побаивались, и любили. Заведующим отделом писем был Гена Слесарев («Эстонец»), потом их связывала с Нечволодой долгая и нежная дружба; Гена Калабин, Валентин Законов, Миша Шамис, Слава Штейн («Шея», «Зюзя», «Штурман»), Женя Кулишев, Аркадий Петров, Гена Рябко («Эмигрант из Киселевки»), потом пришел Коля Денисов.

Выпускали, помню, несколько своих внутригазетных юмористических газет: «Ухо», «Яма»; был даже создан «Литературно-рыцарский орден им. Павла Машканцева», куда каждый вносил свою посильную лепту каким-то экспромтным, искрометно-смехотворным сюжетиком ли, стишками ли фривольного содержания, дружеско-гротескным шаржем, да много чего было там, всего не перечислишь, но все это хранится в моем домашнем архиве, доставшемся мне в наследство от мужа. Именно отсюда, из этого коллектива, из Ишима, начинался его путь в большую литературу.

Уже тогда он начал писать свою повесть «Будем счастливыми». Было создано несколько глав и отложено после отъезда из Ишима на потом. Уже тогда у него зарождался интерес к истории края, ставшего родным. К истории города. В малом он видел большое, частичка для него не просто частичка, а неотъемлемая часть целого. Приметы пережитого сливаются с приметамы родной земли, родных людей. По этой же причине так обостренно звучит и в стихах его тема родного края.

Ранние стихи поэта, и несмотря на то, что они по-детски угловаты, не имеют тени искусственности, фальши, сделанности. Он так жил, так

дышал и так думал. В те, уже такие далекие шестидесятые, многие, если не все, жили так.

В 1964 году В. Нечволода поступил в Литературный институт им. А.М. Горького на факультет поэзии, на заочное отделение. Работал, как я уже говорила, в «Ишимской правде», был также радиоорганизатором: два или три раза в неделю выходило в эфир минут на двадцать ишимское радио. В основном новости города и района, выступления руководителей различных рангов, маленькие поздравления. Это было в общем-то скучновато, тогда В. Нечволода придумал сатирическую, минут на десять, программу «Медведь».

Володя был большим непоседой, его постоянные командировки приводили меня в отчаяние. А он просто не мог иначе. Не мог без знакомств с новыми людьми, в каждом из которых он находил что-то особенное, интересное. Потом знакомства выливались в стихи, репортажи, очерки, зарисовки, песни.

Мне томительно-нежно грустилось также под песню о реке Ишим: «Обмелели в старой речке камушки, опустили плечи берега, задержался за морем Иванушка, знать, ему любовь не дорога...» Песня эта была написана в содружестве с В. Востриковым. Вообще, когда Нечволода работал в районном Доме культуры, им было написано много песенных текстов, например «Ишимский вальс», который о многом скажет внимательному читателю: об истинной Любви, внимательном и чутком взгляде вокруг и внутри себя.

Помню, пришли к нам целой гурьбой студенты Ишимского пединститута. Нужно было ехать на фестиваль туристской песни, и они попросили Володю выручить их. Две песенки, написанные В. Нечволодой, «Новичок» и «Песня ишимских туристов» («Бор таежный, реки и озера любим мы сильнее с каждым днем. / От Ишима и до Самотлора все вам бивуаки назовем»), заняли второе место на этом конкурсе. Очень песенное было время. Легко рождались слова и складывались в строки под ласковым солнцем, среди веселых и любимых людей.

У поэта свое собственное мироощущение, он все пропускает через свое сердце. Владимира уже в четырнадцать лет волновали вопросы, где была Атлантида и где ее предположительно можно искать, были гуслиеры или не были?

Мой любимый был большим непоседой. Он объездил, и не только по линии бюро пропаганды художественной литературы, а так, просто, в отпусках, всю Тюменскую область: от Абатского до Ямала.

Наверное, покидал он дом и для того, «чтоб сберечь мгновенья, миг, пережитый мной, твой станет он...». Немало у Володи стихов и о возвращении домой, о родных и близких. Жили мы сначала, как я уже говорила, в родительском доме мужа, по ул. К. Маркса – угол ул. Фрунзе, где в трехкомнатной квартире размещалось семь человек. Душа дома, ее негасимый тихий свет, Володина мама Антонина Игнатьевна (светлая ей память), споро и ловко вела наше нехитрое домашнее хозяйство. А надо сказать, что хотя и занимал Алексей Максимович Нечволода, как тогда говорили, ответственный пост, жила наша семья очень скромно. Мама Тоня очень вкусно готовила (таких пирогов, солений, варений, да вообще всего я, сколько живу, ни у кого не едала), а какие у нее были простыни!..

Именно мама подарила ему добрую и отзывчивую на чужую боль душу («Маме я говорю, ты не слушай разговоров худых обо мне. / Ты

сама подарила мне душу...), а другие, Богом данные качества, развивали и укрепляли его учителя.

«Монументы есть в честь мыслителей, / В честь свершений и в честь побед, / Только памятника учителю/ До сих пор почему-то нет. / Попросил бы я друга-скульптора / Взять и вылепить на века / Человека с улыбкой мудрою / И со школьным мелком в руках...»

И когда мы получили первую в нашей жизни двухкомнатную квартиру, правда, совершенно неблагоустроенную, в деревянном двухэтажном доме, что по ул. Пономарева, между кондитерской фабрикой и станцией скорой помощи, счастливы были так, будто заселились в царские хоромы. Здесь было написано много стихов, наверное, лучших, так кажется на мой непросвещенный взгляд. Как многие талантливые поэты, Володя был наделен даром пророчества (напророчил мою судьбу: «...сам предскажу я, что в старости ждет: дым одиночества, вьюга забот...»), судьбу младшего сына: «Мастер»; свою смерть: «На берег Конды или Ваха взойду под кедровую ветвь, и сердце взволнованно ахнет...» – он умер на Вахе); многие его стихи афористичны.

Окно в прошлое

«Нет дороги в детство, но есть стальное полотно...» Вот и подходит время мне собираться на встречу с моим прошлым. В предвкушении дороги сладостно подныивает сердце, тревожно и радостно мне. Можно было бы купить билет на скорый. Да вот почему-то каждый раз выбираю я «пятьсот веселый». Наверное, потому, что к счастью, как и к Жарптице, нужно подбираться медленно и осторожно, чтоб не спугнуть... И как только тронется поезд, сами собой, под перестук колес, начинают звучать строки:

Притушу свою грусть, / Пригублю сигарету. / Станет снова осинка в окно лепетать / Бормотаньем дождя, / Причитанием ветра, / Разве лето уходит? / Уходят лета. / Все по-прежнему будто. / Обветрены нивы, / Звезды росны и пахнут хлебами полей. / И надежды свежи, / Как рассвет над Ишимом. / И уверенность в важности завтрашних дней. / Только осенью резче весь мир обозначен / Вся мгновенность и неповторимость земли. / Не волнуют подолгу уже и удачи, / Если в небе курлычат мои журавли. / Приоткрою окно, Пригублю сигарету, / Буду долго за небом следить в тишине. / И опять прогляжу, Как в запеве рассвета / Невозвратно изменится что-то во мне.